

Детализация как аспект нарративного палимпсеста
(на материале романа К. Ярмыш
«Невероятные происшествия в женской камере № 3»)

Дарья Б. Толстошеева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dariatolstosheeva@gmail.com*

Аннотация. Применение категории палимпсеста в теории интертекстуальности позволяет отличить смыслообразующие для произведения отсылки к текстам-предшественникам от случайных, факультативных переключек. Согласно мнению Ж. Женетта, мысленное наложение нового текста на классический, анализ сходств и различий способны дать увидеть их истинное своеобразие. Одним их структурных уровней, на котором можно с легкостью проследить взаимосвязь между современным и давно известным читателю текстами, является уровень детализации. Повторяющиеся детали, в свою очередь, образуют систему мотивов, равнопротяженную тексту и связывающую его с другими произведениями. На примере романа К. Ярмыш мы убеждаемся, что определенные подробности изображенного мира и внутреннего состояния персонажей обусловлены не только выбором темы (в данном случае темы тюремного заключения), но важны для понимания смысла произведения за счет его обращения к литературной традиции. Среди таких подробностей выделяются описание взаимодействия женщин и мужчин-арестантов, особенностей восприятия заключенным свободного мира и мира тюрьмы как дома и т. д. Отдельное внимание уделяется роли внешней объединенности арестанта с другими, совмещенной с внутренним одиночеством, а также личных воспоминаний и необходимости приспособливаться к ограничениям, введенным для того, чтобы наказание достигло цели – перевоспитания. Бытовые детали и тонкие штрихи духовной жизни человека, попавшего в заключение, организуются в систему, прочно связывающую роман Ярмыш с романскими страницами Достоевского и Толстого о пребывании в заключении.

Ключевые слова: детализация, мотив, палимпсест, тюремная проза, бытовая деталь, классическая традиция, Ярмыш

Для цитирования: Толстошеева Д.Б. Детализация как аспект нарративного палимпсеста (на материале романа К. Ярмыш «Невероятные происшествия в женской камере № 3») // Вестник РГГУ. Серия «Литера-

туроведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 3. Ч. 2. С. 242–253.
DOI: 10.28995/2686-7249-2023-3-242-253

Details as aspect of narrative palimpsest (Based on the novel by K. Yarmysh “Incredible Incidents in the Women’s Cell No. 3”)

Dar’ya B. Tolstosheeva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, dariatolstosheeva@gmail.com*

Abstract. The application of the category of palimpsest in the theory of intertextuality makes it possible to distinguish between meaning-forming references to predecessor texts from random, optional echoes. According to G. Genette, the mental imposition of a new text on the classical one, an analysis of their similarities and differences, can make it possible to see their true originality. One of the structural levels, at which one can easily see the relationship between modern and long-known texts to the reader, is the level of detail. Repetitive details, in turn, form a system of motifs that is equally extended to the text and links it with other works. On the example of the novel by K. Yarmysh, we are convinced that certain details of the depicted world and the internal state of the characters are due not only to the choice of topic (in this case, the topic of imprisonment), but are important for understanding the meaning of the work bound to its appeal to the literary tradition. Among such details, the description of the interaction of female and male prisoners, the features of the prisoner’s perception of the free world and the world of the prison as at home stand out. Special attention is paid to the role of the external unity of the prisoner with others, combined with internal loneliness, as well as personal memories and the need to adapt to the restrictions imposed in order for the punishment to achieve its goal – correctional education. Everyday details and subtle touches of the spiritual life of a person who was imprisoned are organized into a system that firmly links Yarmysh’s novel with Dostoevsky’s and Tolstoy’s novel pages about being imprisoned.

Keywords: details, motif, palimpsest, prison prose, everyday detail, classical tradition, Yarmysh

For citation: Tolstosheeva, D.B. (2023), “Details as aspect of narrative palimpsest (Based on the novel by K. Yarmysh ‘Incredible Incidents in the Women’s Cell No. 3’)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 3, part 2, pp. 242–253, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-3-242-253

Категория нарративного палимпсеста примиряет в себе разнонаправленные стратегии поиска интертекстуальных связей – нельзя игнорировать данность многообразия отсылок, референций, аллюзий или цитат, но исключительно важно, что все это многообразие скреплено и упорядочено некой заданностью более высокого порядка. Впервые термин «палимпсест» применительно к литературоведческому анализу в обращение ввел Ж. Женетт в книге «Палимпсесты: литература во второй степени» (1982), где он рассматривает гипертекстуальные техники – то есть такие, при которых новый текст достаточно очевидным образом использует в качестве основы классические образцы. Увидеть в произведении его гипертекстуальную природу очень важно, несмотря на то, что оно и без этого может легко читаться и восприниматься – в нем всегда будет его собственный, достаточный (хоть и не исчерпывающий) смысл. Наслоение нового смысла на уже существующую и известную читателю структуру способно придавать уникальный колорит результирующему целому. Этот эффект двойственности и дает Женетту основание называть такой текст палимпсестом [Genette 1997]. Палимпсестная природа произведения может обнаруживаться на различных уровнях его структурной организации, в частности на уровне детализации.

Деталь – значимая подробность изображенного мира персонажей [Тюпа 2008]. Одинаковое значение имеют детали, характеризующие и предметную реальность героев, и интеллектуально-психологические подробности их мира. Поскольку в художественном тексте, в сущности, значимо каждое слово, в крупных произведениях исчерпывающе проанализировать каждую деталь представляется практически невозможным, а потому при взгляде на этот слой художественной реальности следует выделять особо значимые моменты детализации – в первую очередь, повторяющиеся. Картину мира героев в сознании читателя формирует не россыпь случайных, хоть и ярких кадров, а определенная последовательность «кадронесущих фраз», которые по мере прочтения складываются в систему мотивов. Мотив возникает и закрепляется в тексте благодаря совокупности повторов. Имеет значение лексический повтор как определенного слова, так и родственных или окказионально синонимичных слов, а также параллели, возникающие между отдельными текстами благодаря цитатам, аллюзиям и реминисценциям. Остановимся на сущностно важных деталях и мотивах, связывающих тюремный роман К. Ярмыш «Невероятные происшествия в женской камере №3» с его литературными предшественниками: самыми известными в русской культуре произведениями на тему тюремного заключения. В качестве

таковых в аспекте детализации мы рассматриваем «Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского и «Воскресение» Л.Н. Толстого. Главная героиня Ярмыш – Аня Романова. Одну из сюжетных линий романа составляют десять суток ареста, которые она отбывает в московском спецприемнике за участие в несогласованном митинге, ее общение с пятью сокамерницами, быт и распорядок дня спецприемника.

Уникальность положения заключенного, неестественность тюремной жизни еще ярче просматриваются на примере женщин-арестанток. Возможность «женского взгляда» на тюрьму очень сильно сближает роман Ярмыш с «Воскресением». Арестантки проходят собственный путь, пусть и параллельный мужскому, со своими особенностями и трудностями. В частности, одной из таких трудностей является для женщин общение с мужчинами-арестантами, неизбежное и неумное повышенное внимание со стороны мужчин.

Арестанты, проходя мимо Масловой, все жадно оглядывали ее, и некоторые с измененными похотью лицами подходили к ней и задевали ее.

– Ай, девка, хороша, – говорил один.

– Тетеньке мое почтение, – говорил другой, подмигивая глазом.

Один, черный, с выбритым синим затылком и усами на бритом лице, путаясь в кандалах и гремя ими, подскочил к ней и обнял ее.

– Аль неспознала дружка? Будет модничать-то! – крикнул он, оскаливая зубы и блестя глазами, когда она оттолкнула его¹.

С таким же вниманием сталкиваются и женщины у Ярмыш. Катюшина способность притягивать мужской взгляд везде и всегда, которая и становится для нее губительной, в «Невероятных происшествиях...» принадлежит не Ане, а ее соседке по камере Майе – девушке, которая с помощью собственной внешности извлекает для себя материальную выгоду. Она, к слову, совсем не озабочена вопросами морального толка – можно сказать, что и в ее жизни был свой Нехлюдов – мужчина, впервые давший ей деньги за проведенное с ним время, но героиню с ним не связывает чувство любви, и вообще она кажется лишенной той тонкости восприятия жизни, которая помогла воскреснуть Катюше. В спецприемнике появление Майи вызывает совсем уж бурную, почти гротескную реакцию, сходную с фанатическим религиозным экстазом: «Истомившиеся

¹ Толстой Л.Н. Воскресение // Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 13. М.: Худ. лит., 1983. С. 112.

парни штурмовали камеру, тянули сквозь решетку руки и зывали к Майе, умоляя ее приблизиться»².

Однако своя порция мужского интереса достается и Ане. Приставания одного из арестантов («черные штаны, короткие черные волосы, удивительно белое лицо»³) вводят ее в ступор, поскольку она совершенно не знает, как можно защититься от такого беззащитного пренебрежения к ее нежеланию общаться:

– Да че ты как эта? – глубокомысленно спросил Сергей, продолжая улыбаться, и вдруг быстро пересел к ней на лавку. – Я тебе что, не нравлюсь?

Аня оторопела от такой внезапной прыти. Помедлив секунду от изумления, она передвинула тарелку с обедом, и сама отсела на полметра в сторону.

– Не нравишься.

– Ну, значит, понравлюсь, – беззаботно ответил Сергей и снова придвинулся к ней вплотную, приобняв за талию.

Аня вскочила и беспомощно посмотрела на дверь столовой⁴.

Нечувствительность, глухота к женскому слову наводит Аню на размышления о неизбежности конфликта в отношениях мужчины и женщины, она вспоминает о своем опыте неудачной коммуникации с мужчинами, о своем отношении к феминизму как движению, занятому среди прочего тем, чтобы эту коммуникацию сделать не такой болезненной для женщин. Толстой, конечно, не мог быть озабочен вопросами феминизма в современном понимании слова, однако именно трагедия неслышанной женщины, хрупкость ее судьбы, сломанной нечуткостью мужчины (причиной которой стала нравственная деградация, вызванная порядками общества того времени), становится завязкой сюжета «Воскресения». И только возможность взглянуть на Катюшу не как на женщину-игрушку, а как на равного человека, больше того – обладательницу бессмертной души, открывает для Нехлюдова путь к позитивным личностным изменениям.

Общие детали в восприятии внешнего мира человеком, чья свобода ограничена, заметна при наложении текста Ярмыш на текст «Записок из Мертвого дома»:

² Ярмыш К. Невероятные происшествия в женской камере № 3. М.: АСТ: CORPUS, 2021. С. 59.

³ Там же. С. 329.

⁴ Там же. С. 347.

Случалось, посмотришь сквозь щели забора на свет божий: не увидишь ли хоть что-нибудь? – и только и увидишь, что краешек неба да высокий земной вал, поросший бурьяном, а взад и вперед по валу, день и ночь, расхаживают часовые; и тут же подумаешь, что пройдут целые годы, а ты точно так же пойдешь смотреть сквозь щели забора и увидишь тот же вал, таких же часовых и тот же маленький краешек неба, не того неба, которое над острогом, а другого, далекого, вольного неба⁵.

На берегу же можно было забыться: смотришь, бывало, в этот необъятный, пустынный простор, точно заключенный из окна своей тюрьмы на свободу. Все для меня было тут дорого и мило: и яркое горячее солнце на бездонном синем небе, и далекая песня киргиза... Разглядишь какую-нибудь птицу в синем, прозрачном воздухе...⁶

Несмотря на то что герой Достоевского находится в Омске, а героиня Ярмыш – в Москве, детали окружающего мира повторяются почти точь-в-точь, только вольное небо здесь кажется ближе и проще – героиня смотрит будто и не на него, а на трамвайные усы, виднеющиеся из-за забора. И сроки заключения почти несопоставимы – десять суток и десять лет, но чувство оторванности от внешнего мира у героев общее.

Сквозь приоткрытую форточку доносился уличный шум. Аня выглянула в окно... Забор спецприемника начинался через несколько метров, все пространство от стены до него заросло густым высоким бурьяном. Сразу за забором пролегали трамвайные пути, и мимо ехали, громыхая, трамваи – Аня видела только их усы, торчащие из-за забора. Шпарило солнце, пели птицы, кричали дети. Казалось удивительным, что снаружи буйствует такое сочное, ослепительное лето, а она находится здесь, в глухом кафельном мешке⁷.

Этот взгляд заключенного из-за границы, откуда-то со стороны на внешний мир, живущий бурной, наполненной жизнью (словно взгляд бесплотного призрака, никак не способного соприкоснуться с миром живых – можно вспомнить, как у Толстого Катюша Маслова шагает на суд по улице: между нею и миром нет четкой физической границы, однако прохожие смотрят на нее с испугом; этот страх увеличивается, когда в город выходит целая партия этапиремых

⁵ *Достоевский Ф.М.* Записки из Мертвого дома // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. Т. 3. Л.: Наука – Ленингр. отд., 1988. С. 209–210.

⁶ Там же. С. 415–416.

⁷ *Ярмыш К.* Указ. соч. С. 150.

в Сибирь арестантов), конечно, является характерной особенностью тюремного хронотопа.

При всем ужасе осознания своей отверженности, отдельным мучением для арестанта становится и подневольное включение его в странную общность заключенных, связанных ненормальными (вынужденными) отношениями. Невозможность остаться наедине с собой поначалу героями Ярмыш и Достоевского не воспринимается как что-то серьезное, и только по прошествии времени одиночество осознается как нечто ценное (герой Достоевского после освобождения замкнулся окончательно и практически никого не подпускал к себе):

Например, я бы никак не мог представить себе: что страшного и мучительного в том, что я во все десять лет моей каторги ни разу, ни одной минуты не буду один? На работе всегда под конвоем, дома с двумястами товарищей и ни разу, ни разу – один!⁸
и:

Странно: она совсем не замечала особой тяготы в том, чтобы постоянно находиться в камере с соседками, но только теперь, сидя в тишине и в одиночестве за несколькими дверями, она впервые чувствовала себя расслабленной⁹.

Одиночество становится роскошью, потому что оно обещает попытку вернуться к самому себе, вспомнить, каков ты есть – настоящий, без напыления извращающих тюремных порядков.

Арестант всегда вынужден подстраиваться под условия заключения очень быстро – потребность в доме, в уюте, в безопасности заставляет его примириться с действительностью и даже чувствовать себя неплохо:

Когда заперли нашу казарму, она вдруг приняла какой-то особенный вид – вид настоящего жилища, домашнего очага. Только теперь я мог видеть арестантов, моих товарищей, вполне как дома¹⁰.

В случае героини Ярмыш подобных замечаний даже больше:

...Соседки с всклоченными после душа прическами казались ей смешными и трогательными, а обстановка в камере была такой домашней, словно они все оказались здесь по собственной воле.

⁸ Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 212–213.

⁹ Ярмыш К. Указ. соч. С. 149–150.

¹⁰ Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 257.

Захотелось есть. В спецприемнике наверняка как раз обедали. Аня почти с теплотой подумала о своей камере. В пустом и гулком здании суда она чувствовала себя одиноко и неудобно.

На нее снова нашло умиротворение: пока за окном бушевала непогода, их камера казалась ей уютной и почти родной¹¹.

Аналогичное понимание места заключения как дома, укрытия от непогоды наблюдается и у Толстого:

После холода, сырости во время перехода, после грязи и неурядицы, которую они нашли здесь, после трудов, положенных на то, чтобы привести все в порядок, после принятия пищи и горячего чая все были в самом приятном, радостном настроении. То, что за стеной слышался топот, крики и ругательства уголовных, как бы напоминая о том, что окружало их, еще усиливало чувство уюта¹².

В данном случае у Ярмыш это не только метафора современной России, где люди готовы в обмен на комфорт повседневной жизни пожертвовать возможностью свободы, но актуализация романтического мотива «счастливой темницы»:

...стены камеры-кельи наказывают преступника и приносят в жертву невиновного; но в них же находят убежище поэтическая медитация и религиозный энтузиазм... Без сомнения, существует и ностальгия по заключению, и желание тюрьмы [Brombert 1973].

В русской литературе этот мотив (который является не только поэтическим конструктом, но и фактом реальной психологии [Махов 2017]) закрепился благодаря переводу Жуковским байроновского «Шильонского узника», а также эпистолярным свидетельствам Пушкина и декабристов.

Однако чаще всего в камере, даже уютной, нечего делать, кроме как думать о себе и вспоминать. Это становится тяжелым испытанием для Ани, потому что воспоминания для нее – это зона, в которую она предпочитает не входить, отгородившись от нее повседневными делами:

Аня тряхнула головой, стараясь прогнать воспоминания. Она столько лет дрессировала себя их избегать, что обычно переключается

¹¹ Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 150–151, 187, 208.

¹² Толстой Л.Н. Указ. соч. С. 407.

не составляло труда. Ее всегда окружало множество других вещей, о которых можно подумать¹³.

Но, оказавшись в условиях вынужденной праздности, она, конечно, не может удержаться от того, чтобы не начать переживать заново отдельные (важные, хоть и не всегда приятные) моменты своей жизни и через это искать путь к себе самой. В этом смысле снова видна родственная связь между Аней и Катюшей Масловой, которая так же глубоко в душе похоронила историю своей любви к Нехлюдову

Она вспоминала о многих, но только не о Нехлюдове. О своем детстве и молодости, а в особенности о любви к Нехлюдову, она никогда не вспоминала. Это было слишком больно. Эти воспоминания где-то далеко нетронутыми лежали в ее душе¹⁴.

Мотив воспоминания является очень важным для произведений на тюремную тематику вообще, а в рассматриваемом романе он даже образует отдельную сюжетную линию. Можно сказать, что данный мотив внутренне обусловлен темой, поскольку отстраненный взгляд заключенного на собственную жизнь и ее оценка необходимы для его исправления:

Пенитенциарная операция, чтобы завершиться подлинным перевоспитанием, должна заполнить собой всю жизнь делинквента, сделать из тюрьмы своего рода искусственный и принудительный театр, где его жизнь будет пересмотрена с самого начала [Фуко 2021, с. 305].

Важным моментом в любом произведении о тюрьме является, конечно, тема относительности свободы и неволи: что на самом деле является самым существенным фактором самоощущения человека как духовно свободного при полном осознании своей физической изолированности? «Что же выше денег для арестанта? Свобода или хоть какая-нибудь мечта о свободе»¹⁵; «Сейчас Аня впервые по-настоящему почувствовала себя взаперти, только не в спецприемнике, а в собственной голове. На воле можно было бы прогуляться, развеяться, занять себя делами, а здесь она была обречена думать об одном и том же бесконечно»¹⁶.

¹³ *Ярмыш К.* Указ. соч. С. 48.

¹⁴ *Толстой Л.Н.* Указ. соч. С. 136.

¹⁵ *Достоевский Ф.М.* Указ. соч. С. 278.

¹⁶ *Ярмыш К.* Указ. соч. С. 285.

Неизбывная мечта о свободе и при этом постоянно налагаемые на себя внутренние ограничения отмечаются авторами множества текстов на «тюремную» тему. Изменения сознания человека, оказавшегося в неволе даже на такой короткий срок, как десять суток, исследованы в «Невероятных происшествиях...» достаточно подробно.

Аня подумала, что еще несколько дней назад была страшно далека от всего этого – полицейских, прокуроров, судов и тюрем, – а теперь она и сама знала, что, конечно, прокурорше на жалобы плевать, да и вообще жаловаться бессмысленно и опасно – если в отместку не навредят, то и не помогут уж точно. Откуда взялось это подспудное знание? Аня разозлилась на себя. Она не собиралась привыкать к этой беспомощности. Десять дней – крохотный срок, и Аня намеревалась до конца жизни воспринимать его как забавное недоразумение¹⁷.

Даже чтобы прожить эти десять дней, человеку необходимо приспособиться и вобрать в сознание те правила, которые помогут ему сохраниться в относительной целостности. Вместе с тем осознание того, насколько быстро и невольно начинается процесс приспособления, действует на Аню удручающе.

Количество простых вещей, которых попадающий в заключение человек лишается в соответствии с необъяснимыми правилами, для Ани слишком велико, а мечтать о них для нее – унижительно. Унижительной для нее в какие-то моменты становится и сама мечта о свободе, отнятой у нее, по ее мнению, незаслуженно. Таким образом, мечта о свободе становится фактором, как помогающим пережить отведенный срок, так и мешающим сохранить рассудок:

Она попыталась представить, чем займется, когда выйдет. Все предыдущие дни в спецприемнике это было безотказным развлечением. Сегодня, однако, оно не сработало – Аня была слишком зла из-за того, что ей, будучи ни в чем не виноватой, приходится мечтать об обычных вещах¹⁸.

Ср. у Достоевского:

С самого первого дня моей жизни в остроге я уже начал мечтать о свободе. Расчет, когда кончатся мои острожные годы, в тысяче разных видах и применениях, сделался моим любимым занятием¹⁹.

¹⁷ *Ярмыш К.* Указ. соч. С. 162.

¹⁸ Там же. С. 220.

¹⁹ *Достоевский Ф.М.* Указ. соч. С. 294.

Таким образом, с уверенностью можно сказать, что в аспекте детализации у текста Ярмыш есть огромное количество пересечений с текстами-предшественниками: от выбора тех же лексических средств, характеризующих бытовые особенности существования в дисциплинарном пространстве, до сходства тона повествования и выбора тех же мотивов. Как герои спят и что едят, чем занимаются, когда нечего делать, о чем говорят и думают, как относятся друг другу – все это в «Невероятных происшествиях...» демонстрирует неразрывную палимпсестную связь с классической традицией, не только обусловленную тематически (факторами существования в дисциплинарном пространстве), но собственно литературной преемственностью.

Литература

- Махов 2017 – *Махов А. Е.* Реальность романтизма. Очерки духовного быта Европы на рубеже XVIII–XIX веков. Тула: Аквариус, 2017. 305 с.
- Тюпа 2008 – *Тюпа В. И.* Деталь // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной: Intrada, 2008. С. 54.
- Фуко 2021 – *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс: Музей современного искусства «Гараж», 2021. 384 с.
- Brombert 1973 – *Brombert V.* The Happy Prison: A Recurring Romantic Metaphor // Romanticism: Vistas, Instances, Continuities. Ithaca and London: Cornell University Press, 1973. P. 62–82.
- Genette 1997 – *Genette G.* Palimpsests: Literature in the Second Degree. Lincoln, University of Nebraska Press, 1997. 490 p.

References

- Brombert, V. (1973), "The Happy Prison: A Recurring Romantic Metaphor", *Romanticism: Vistas, Instances, Continuities*, Cornell University Press, Ithaca and London, pp. 62–82.
- Foucault, M. (2021), *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdeniye tyur'my* [Guard and Punish. The Birth of the Prison], Ad Marginem Press, Muzei sovremennogo iskusstva "Garazh", Moscow, Russia.
- Genette, G. (1997), *Palimpsests: Literature in the Second Degree*, University of Nebraska Press, Lincoln, USA.
- Makhov, A.E. (2017), *Real'nost' romantizma. Ocherki dukhovnogo byta Evropy na rubezhe XVIII–XIX vekov* [Reality of romanticism. Essays on the Spiritual Life of Europe at the turn of the 18th–19th centuries], Akvarius, Tula, Russia.

Тыура, V.I. (2008), “Detal”, *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatii* [Poetics. A dictionary of relevant terms and concepts], Izdatel'stvo Kulaginoi, Intrada, Moscow, Russia, p. 54.

Информация об авторе

Дарья Б. Толстошеева, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; dariatolstosheeva@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-3093-9911

Information about the author

Dar'ya B. Tolstosheeva, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; dariatolstosheeva@gmail.com